

VII. Мурат-рейс и разграбление Болтимора

“ У нас будет славная прогулка.

- Мурат-рейс

Как бы нам ни хотелось встретиться с полной командой разбойников из Сале, с людьми, имеющими имена, даты, биографии, которые мы бы могли изучать, чьи «казусы» мы бы могли анализировать, чтобы лучше понимать характеры и судьбы ренегатов, но, к сожалению, такое исследование невозможно. Если нам мало известно о перешедших в ислам в Алжире и Тунисе, то ещё меньше мы знаем о новообращённых в Сале. Я задавался вопросом, почему так получается, и могу лишь предположить, что Сале считался (по крайней мере у европейских путешественников и хроникёров) более захолустным, чем Алжир или Тунис, и, вероятно, также более труднодоступной и даже более опасной дырой. Даже старый добрый отец Дан, предоставивший нам небольшую главу о Сале, по всей видимости, никогда не посещал этот город и описывал его на основании слухов; а немногие свидетельства из первых рук не слишком информативны. В любом случае, те, кто описывал Сале, – то есть образованные европейцы, – не слишком интересовались ренегатами, которых они боялись и презирали, и изображали их в самой, насколько это было возможно, нарочито сенсационной манере. В то же время те, кто мог бы рассказать нам что-то действительно интересное, – сами ренегаты, – писателями не были. Все категории, в каких мы могли бы обсуждать корсаров, были predeterminedены обращённой на них извне враждебностью и пропагандой. Такова судьба историка-ревизиониста, пытающегося исследовать культуру – или политику сопротивления – давно исчезнувшего неписьменного сообщества. В последнее время, разумеется, и сами ревизионисты разработали (или воскресили) некоторые собственные категории. Марксистские или марксистствующие историки «социального бандитизма» и миллениализма, такие как Эрик Хобсбаум и Норман Кон, предоставляют полезную методологию, в то время как авторы более либертарно-левого уклона (как Кристофер Хилл, Джесси Лемиш, Питер Лайнбах и Маркус Редикер) на деле создали целую новую историографию морского радикализма. Но никто из них не рассматривал ренегатов. Насколько я знаю, не возникло соответствующего направления и среди марокканских, алжирских или тунисских историков, которые, возможно, имеют доступ к неопубликованным письменным источникам (если допускать, что они существуют); ориенталисты же игнорируют этот вопрос либо в силу своего извечного культурного консерватизма, либо потому, что такие тексты невозможно найти; таким образом, *faute de mieux*[18], это исследовательское поле осталось нам, пиратологам-любителям.

Роже Куандро¹ на основе данных архивов и неизданных материалов в европейских собраниях документов удалось наскрести короткий список морских разбойников из Сале. Так, в нём значится Эль-Хадж Али, вероятно, мавр, 14 октября 1624 года у мыса Финистерре захвативший голландский корабль под командованием некоего Эваута Хенрикса в тот период, когда Сале был предположительно в мире с Нидерландами, и потому пираты должны были воздерживаться от нападений на их суда. Хадж Али потребовал, чтобы капитан Хенрике под угрозой быть сброшенным в море признал свой корабль французским и тем самым легитимировал его взятие.

Рейс Шафер (Джа'фар), английский ренегат (упомянут в 1630-м), Хассан Ибрагим (вероятно, местный уроженец, 1636) и Майме-рейс, голландский ренегат (1636). Этот последний, командуя 13-пушечным кораблём водоизмещением в 200 тонн, взял английское судно, но по дороге обратно в Сале был захвачен сам.

Шабан-реис, ренегат из Португалии, в 1646 году командовал алжирским кораблём «Краб» (16 пушек и 175 человек команды), остановился в Сале, чтобы пополнить припасы и вооружение. За три месяца в море его единственной добычей стали английское судно с грузом соли и рыбацкая лодка в Бискайском заливе, а 22 июля сам был взят на абордаж голландским пиратом Корнелисом Вербеком.

Ахмед эль-Кортоби, испанский ренегат (или мориск?) из Кордовы, был «толстяком». 6 октября 1658 года, командуя салийским кораблём «Солнце», он повстречался с голландским флотом у мыса Финистерре. В это время Голландия и Сале снова должны были находиться в состоянии мира, и Ахмед-рейс решил нанести дружественный визит на флагманский корабль. Возвратившись к себе на борт, он с ужасом обнаружил, что одно из голландских судов, «Пророк Даниил» из Любека под командованием капитана Питера Ноеля, внезапно его атаковал. Несколько корсаров были убиты, а остальные – включая и Ахмеда – взяты в плен. Затем голландцы ограбили «Солнце», подожгли и потопили его. Этот исключительный инцидент вызвал колоссальный дипломатический скандал. Сале потребовал компенсации, и голландцы, озабоченные сохранением мира, отнеслись к этому делу весьма серьёзно. В январе 1659 года Адмиралтейство оштрафовало капитана корабля «Пророк Даниил» на 9 500 флоринов и отдало Сале судно, соответствующее по тоннажу и вооружению потопленному «Солнцу», а сам «Пророк Даниил» был присуждён Ахмеду эль-Кортоби².

Ян Лейкен. Корсары топят европейские суда у Сале. Иллюстрация к изданию «Истории Барбарии» Пьера Дана (Амстердам, 1684)

Али Кампос (Испания), Касе Марейс (Англия) и Куртебей (сын Ахмеда эль-Кортоби, который, наверное, был в той же мере «коротышкой», в какой его отец слыл «толстяком» – если считать, что его имя является просто искажением «Кортоби») – вот ещё несколько имён к этому списку; упомянем также и Венецию, итальянского ренегата, прославившегося своей дерзостью и отвагой. На этом список ренегатов Сале республиканского периода в основном исчерпывается – с одним важным исключением.

Мурат-рейс «Младший» (также известный как Морат, Джон Барбер, Капитан Джон, Каид Морато) – самый известный из всех морских разбойников Сале, урождённый Ян Янс[19],

родился в Харлеме, Нидерланды, год и дата рождения неизвестны.

“ Как и большинство голландских моряков, которые в конечном счёте приходили к пиратству, Ян Янс начал свою карьеру приватиром у Соединённых провинций в их Освободительной войне против испанцев. Но такой квазизаконный тип ведения войны приносил скорее славу, нежели доходы, и вскоре Янс пренебрегает своими обязанностями и направляется к Варварийскому берегу. Здесь он повёл войну против судов всех христианских государств, не исключая и Голландии, и только в случае нападений на испанцев он поднимал флаг Принца Оранского, отдавая дань уважения своим корням. Сражаясь же против судов других наций, он поднимал красныи турецкий полумесяц³.

Попав в плен к варварийским корсарам у острова Лан-сароте в 1618 году, Янс в Алжире отрёкся от христианства – и хотя его обращение в ислам и могло быть совершено под принуждением, оно, видимо, глубоко на него повлияло, поскольку Мурат никогда не обращался с просьбами о помиловании и не проявлял ни малейших признаков желания вернуться в лоно христианства. Он принялся за своё ремесло под началом великого алжирского корсара Сулейман-рейса (который также мог быть по происхождению голландцем), скончавшегося, однако, в следующем, 1619 году. Мурат демонстрирует собой превосходный пример связей между Алжиром и Сале, поскольку теперь он постоянно перемещался между ними, словно человек, имеющий двойное гражданство.

Вот что Госс писал о Мурате:

“ Сначала он участвовал в походах как товарищ знаменитого корсара, известного как Сулейман-рейс Алжирский, но после смерти своего покровителя в 1619 году обосновался в Сале. Этот порт («имя его вызывало негодование во всём христианском мире»), находясь на побережье Атлантического океана, всего в пятидесяти милях от Гибралтара, был чрезвычайно удачно расположен для занятий новой формой пиратства, ведь пираты могли устраивать засады на всё, что проходило через пролив, и стремительно настигать купеческие суда, шедшие из Вест-Индии и Гвинеи. Флот Сале не был велик, где-то в общей сложности 18 кораблей, и эти суда были небольшими, поскольку отмель в гавани не позволяла проходить кораблям с глубокой посадкой, если их предварительно не разгружали.

Номинально порт признавал власть императора Марокко, но вскоре после прибытия Янса салийцы объявили себя независимыми и организовали по сути пиратскую республику, управлявшуюся советом из 14 жителей города с председателем, бывшим также и адмиралом. Первым из них стал наш голландец, и чтобы продемонстрировать своим недавно обретённым соотечественникам, насколько полно он слился с ними, он женился на мавританке, хотя и оставил жену с семьёй в Харлеме⁴.

Другие источники утверждают, что Мурат был назначен наместником Сале марокканским султаном Мулай Зайданом в 1624 году, однако такое разночтение скорее всего происходит из того обстоятельства, что султан, желая сохранить хотя бы внешний блеск суверенности, лишь согласился с fait accompli[20] избрания Мурата. Мы можем предположить, что Мурат был харизматичным и по-настоящему талантливым лидером, обладавшим качеством, которое пираты ценили выше всех прочих, – удачей. Мы можем предположить, что он был горячим сторонником корсарской республики и, возможно, её главным идеологом, так же как и первым избранным адмиралом. Можно пойти ещё дальше и допустить, что человек с таким очевидным интеллектом и храбростью обладал определённой степенью политического мышления и революционного рвения.

“ Под умелым руководством Янса дела процветали, и вскоре ему понадобился помощник. На этот пост он выбрал своего земляка, Матиса ван Бостеля Остерлинка. Этот вице-адмирал отметил своё назначение по примеру своего командира – обратившись в магометанство и женившись на четырнадцатилетней испанской девушке, несмотря на то, что у него имелись жена и малолетняя дочь в Амстердаме.

Благодаря взятым на море трофеям и своим привилегиям адмирала, включавшим все сборы за стоянки на якоре, лоцманские сборы и другие портовые доходы, а равно и доходы от награбленных товаров, Янс вскоре стал необычайно богатым человеком. Тем не менее ему иногда надоедала деловая рутина, пират в нём брал верх и он отправлялся в плаванье. Во время одной из таких экспедиций, когда в ноябре 1622 года он искал фортуны в Ла-Манше, у него закончилась провизия и он был вынужден зайти в нидерландский порт Вере, чтобы пополнить запасы. Это был рискованный поступок, но адмирал Сале являлся подданным Императора Марокко, недавно заключившего договор с Соединёнными Провинциями, поэтому Янс мог легально воспользоваться портовыми привилегиями, хотя встречен был холодно. Первыми из поднявшихся к нему на борт были его голландская супруга, госпожа Янс, вместе со всеми младшими Янсами. «Его супруга и все его дети, – писал современник, – поднялись на борт, чтобы умолять его оставить корабль; так же поступили и родители членов команды, но они не смогли в этом преуспеть, поскольку эти люди (команда голландцев-рenegатов) были слишком злы на испанцев и слишком сильно жаждали добычи». Команда не только осталась со своим капитаном, но и пополнилась новобранцами, несмотря на суровый приказ городских властей, никому не разрешавший поступать на службу на это судно. Но Голландия из-за почти полувековой войны с Испанией переживала нелёгкие времена, и молодёжь Вере скорее поддавалась искушению заполучить лёгкий заработок, одновременно нанося удары своему старому врагу, чем страшилась недовольства властей. Когда Янс покинул Вере, на его борту оказалось куда больше людей, чем было до прибытия в этот порт.

Спустя несколько лет, в середине зимы, Янс снова объявился в Голландии, на этот раз после того, как он едва не потерпел крах. Неподалёку от побережья он встретил большой корабль, шедший под голландским флагом. Мгновенно позабыв о договорённостях, Ян, «зачарованный этим прекрасным кораблём, попытался захватить его» – и вполне возможно, что в случае успеха юристы сумели бы найти для него способ вновь претендовать на привилегии по соглашению. Но всё пошло совсем по-другому: как только он сблизился с судном, голландский флаг был спущен, вместо него взвился испанский штандарт, и через мгновение испанские солдаты хлынули на его палубу. Оказавшись в невыгодном положении, пираты с трудом смогли сбежать после жестокой схватки, потеряв убитыми и ранеными множество членов команды. И были рады, что благополучно добрались до гавани Амстердама.

Ян обратился к властям с просьбой о помощи своим больным и раненым, но ему было категорически отказано. Невезучий корсар намеревался нарушить договор, но потерпел неудачу и был наказан, а теперь получал новое наказание – лишение привилегий, как если бы его замысел удался. Ему даже не разрешили похоронить погибших, поэтому их трупы пришлось спустить под лёд – только так от них можно было избавиться.

После нескольких сравнительно безуспешных лет, проведённых в Гибралтарском проливе, Ян решил попытать удачу там, где ещё не отваживался промышлять ни один пират, ни варварийский, ни какой-либо иной. В 1627 году он нанял в качестве штурмана невольника-датчанина, который утверждал, что бывал в Исландии, и приказал ему указывать путь к этому отдалённому острову. На трёх кораблях Янса, помимо мавров, было трое английских ренегатов.

Эта экспедиция была дерзким подвигом для навигации того времени, но её результаты были несопоставимы с риском. Пираты разграбили столицу – Рейкьявик, но заполучили лишь немного солёной рыбы и несколько шкур. В качестве компенсации за это разочарование они захватили и увезли с собой четыре – а некоторые утверждают, что и восемь сотен исландцев: мужчин, женщин «5 и детей.

К 1627 году политическая ситуация в Сале несколько накалилась. В этом году орначерос провозгласили в Касбе свою собственную республику, а аль-Айшаши активно устанавливал свою власть в Старом Сале. Пребывание Мурата на посту адмирала, мешавшее ему ходить в море, возможно, плохо бы для него закончилось; так или иначе, после возвращения из Исландии он вместе со своей магрибской семьёй перебрался обратно в Алжир и сразу же возобновил активную корсарскую деятельность. В 1631 году он организовал ещё одну выдающуюся авантюру, разграбление города Болтимор в ирландском графстве Корк.

В истории разграбления Болтимора настоящим и до сих пор остающимся без ответа вопросом является не вопрос «как?». Хотя Мурат, разумеется, был великолепным

мореходом, в этом предприятии он отнюдь не являлся первопроходцем, в отличие от похода в Исландию. «Малыш Джон» Уорд несколько раз устраивал экспедиции к ирландским берегам, и мы также можем с уверенностью полагать, что он был не единственным корсаром, следовавшим по этому маршруту.

Пьер Франческо Мола. Восточный воин (Мурат-рейс). 1650

Настоящим вопросом в истории разграбления Болтимора является «почему?». И здесь единственный раз в наших изысканиях туман утерянной истории, кажется, чуть проясняется, демонстрируя некоторые проблески возможных мотивов.

Прежде всего, Южная и Западная Ирландия в этот период кишела пиратами почти так же, как и Варварийский берег. Знаменитая пиратка Грейс О'Мэлли правила своим небольшим королевством в Мейо во времена Елизаветы и в 1593 году даже нанесла своего рода государственный визит этой правительнице – как королева к королеве⁷. Что же касается графства Корк, то мы узнаём следующее (из довольно редкой книги «Пиратские гавани и их тайны» Б. Фуллера и Р. Лесли-Мелвилла):

“ Сэр Уильям Герберт, вице-председатель Манстера, охарактеризовал положение провинции в 1589 году такими словами: «Если пиратство здесь продолжится и каждый порт и гавань будут доступны для них [разбойников], нам придётся отказаться от проживания здесь, поскольку мы не сможем перемещать по морю ни свои товары, ни самих себя, кроме как уповая на милость пиратов. Провинция фактически стала вместилищем пиратов. Им слишком покровительствуют в Керри. Сэр Эдвард Денни получил гасконское вино, которое было захвачено у французов, а леди Денни – товары, взятые у “Британий”[21]. Некий капитан Мэрис из Йола, известный в такого рода делах негодяй, вскоре должен переехать в Толахт, замок, принадлежащий сэру Эдварду Денни, неподалёку от Трали, чтобы там заниматься такой торговлей». Денни, позднее возведённый в достоинство графа Норвича, также имел владения и в Корнуолле, и, следовательно, соседствовал с родом Киллигрю. Он, по сути, сделал для пиратов в Ирландии то, что Киллигрю и сэр Джон Перрот делали для них в Корнуолле и Южном Уэльсе. Когда влиятельные вельможи становились «прикрытием», пиратство, безусловно, было стоящей игрой... И поскольку королевский флот практически не существовал вплоть до второй половины века, когда Яков II обеспечил ему надёжную поддержку, было поистине невозможно «отслеживать и отваживать жителей от торговли с этими кровопийцами», если пользоваться цветистым слогом лорда Данверса.

О размахе пиратской вольницы можно судить по тому факту, что в начале 1609 года сам Данверс был блокирован в городе Корке четырьмя пиратскими судами с более чем тремя сотнями людей. Лорд-председатель же не мог отрядить и одного корабля, достаточно сильного, чтобы разбить грабителей, поэтому ему пришлось отсиживаться в Корке, пока незваные гости повсюду бороздили прибрежные воды в поисках припасов. Для того чтобы не дать им снова пополниться провизией в графстве Корк, поставки зерна, обычно отправлявшиеся из этого графства, были прекращены, но это, скорее, куда больше разозлило местных жителей, чем пиратов. Позднее в этом же году ещё более многочисленная армада пиратов, насчитывавшая И кораблей и 1 000 человек, высадилась на берег. [Это был капитан Уорд и его флотилия из Туниса.] Сэр Ричард Морисон, бывший тогда вице-председателем Манстера, оказался бессилён противостоять им и был вынужден обратиться к старому и явно неэффективному приёму дарования им прощения. «Пираты постоянно останавливаются для ремонта на

западном побережье провинции, – заявлял он лорду Солсбери, – учитывая отдалённость этих мест, дикость людей, а также силу и богатство пиратов, как в отношении командования, так и в получении поддержки, нам очень сложно будет противостоять или избавиться от них».

Таково было положение дел, когда Берехавен впервые привлёк к себе гневное внимание английского правительства. Событие происходило в дни Доннела О’Салливана Бера. Это место идеально подходило и подходит в качестве защищённой гавани. В доказательство достаточно лишь напомнить, что именно здесь, согласно договору 1921 года, Великобритания сохранила за собой одну из своих военно-морских баз. Это действительно гавань в гавани, поскольку она далеко вдаётся в залив Бантри, известный как один из самых великолепных и живописных природных портов.

Даже в середине восемнадцатого века можно было сказать, что залива Бантри хватило бы, чтобы вместить все суда Европы, и такое заявление совсем не выглядело бы абсурдным, поскольку его размер двадцать одна миля длиной и в среднем три мили шириной. Кроме того, он глубок. Местная гавань образуется островом Бере, гористой полоской земли примерно в 7 миль длиной и шириной в полторы мили, лежащей у северного берега залива Бантри. Если смотреть на него с высшей точки залива, то есть с его восточной оконечности, этот остров поразительно напоминает греющегося на солнце крокодила. Располагаясь практически параллельно большой земле и почти сходясь с ней у обращённого к океану края, остров образует превосходно защищённую гавань, в моменты, когда залив Бантри объят яростными штормами. Главной цитаделью Доннелла О’Салливана был замок Данбой на большой земле, господствовавший над узким морским проходом в гавань. Доннелл был диким морским разбойником, дерзким от осознания надёжности своего логова и заступничества могущественного клана О’Салливан, которому принадлежала эта местность. Даже в наши дни по меньшей мере семьдесят пять процентов жителей Каслтаунбера, глухого городка на большой земле, стоящего напротив острова, – это О’Салливаны. Сюда приплывали крупные и мелкие пираты, устраивали бойкую торговлю, поскольку за их внимание соперничал и соседний порт Болтимора, известный также под звучным именем Дунашед («крепость драгоценностей»). Гавань Дунашеда представляет собой защищённую бухту, где, по словам сэра Томаса Стаффорда, «может перемещаться бесчисленное множество кораблей, приливы и отливы там незначительны, воды глубокие, и есть хорошие места для килевания судов».

Эта гавань образована островом Шеркин, также являющимся естественным волнорезом. Дальше в море лежит остров Клир-Айленд, ближайшая земля к маяку на скале Фаснет-Рок, чьи мощные лучи воодушевили немало путешественников через Атлантику. Это надёжно защищённое логово, и его окрестности, в то время – крупнейшее баронство в Ирландии, находились во

владении рода О’Дрисколлов, которых, быть может, стоит помнить как самый знаменитый клан ирландских морских разбойников. Им шла богатая пожива от пиратов, спешивших на всех парусах при попутном ветре с добычей, взятой у ненавистных англичан. И поэтому, как считается, между О’Салливанами и О’Дрисколлами существовала определённая неприязнь. Без сомнения, об этом хорошо знали пираты и с немалой выгодой этим знанием пользовались.

Таким образом, Берехавен и Болтимор не были пиратскими логовами в том смысле, что ими владели отъявленные морские разбойники, использовавшие их как ключевые базы для своих операций. Они были полезными местами стоянок, куда могли приходить все пираты, чтобы гарантированно получить за свой груз хорошую цену или скрыться, получив защиту в периоды гонений. В то же время, не приходится сомневаться в том, что владельцы этих двух портов и сами занимались пиратством, и не отличались глупой щепетильностью в вопросах нарушения интересов как друг друга, так и всех прочих ирландцев. Известен случай, когда сэр Финин О’Дрисколл – или сэр Финин Корабельный, как его ещё звали, – изрядно обжёгся на грузе роскошного вина.

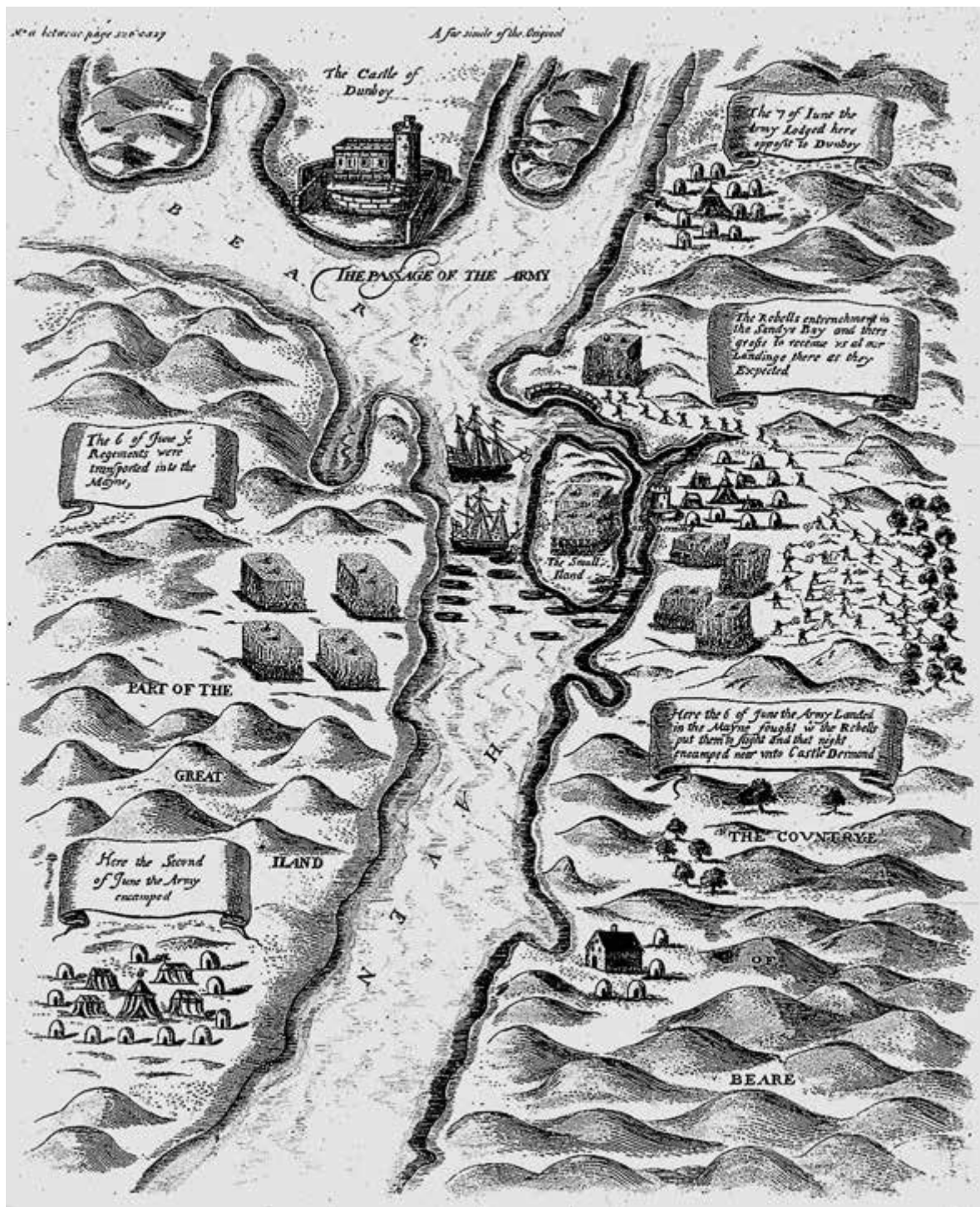
Однажды ненастным февральским днём этот уважаемый человек вместе со своим незаконнорождённым сыном Гилли Даффом, прозванным также Чёрным парнем, увидели корабль, беспомощно метавшийся у входа в Болтиморский залив. Запрыгнув в лодку, заботливая парочка к большой радости удручённых матросов предложила указать им проход. Это было португальское судно, гружёное сотней бочек вина, предназначенного для неких купцов в Уотерфорде. Об этом О’Дрисколлы узнали очень скоро и решили сами завладеть грузом. Португальский капитан был только рад, когда радушные чужаки предложили ему и его офицерам отобедать с ними в их порту. Очевидно, он ничего не заподозрил и тогда, когда приглашение было распространено на всю его команду. С ними поступили как паук с мухой. Как только моряки оказались внутри замка, они были схвачены, закованы в цепи, и началась выгрузка вина. Однако уотерфордские купцы были не из тех, кто позволяет подобным манером уязвлять свою гордость (и свои карманы), поэтому они быстро снарядили вооружённый корабль, чтобы отомстить за свои потери.

О’Дрисколлы, всё ещё занятые раснасткой виноторгового судна, были захвачены врасплох и едва смогли спасти свои шкуры. Воодушевлённый победой, мэр Уотерфорда спустя несколько дней послал ещё одну экспедицию, и она оставила Болтиморский замок в руинах, а кроме того, сожгла все корабли О’Дрисколлов количеством около пятидесяти. Их личная тридцативёсельная галера была приведена в Уотерфорд в знак победы. Но Болтиморская гавань не замедлила восстановиться от этой неудачи. Вскоре от торговли с пиратами потекли новые доходы.

Жители Берехавена не отставали в том, чтобы выискивать всевозможные схемы, способные принести им деньги. Если не своекорыстный интерес, то их гордость не могла им позволить играть вторую скрипку после Болтимора. Поэтому Доннелл О'Салливан существенно разнообразил свою деятельность скупщика краденого тем, что принялся сдавать в аренду иностранцам права на вылов рыбы. И что весьма удивительно, те права, которые он сдавал в аренду, были по большей части его собственными. «У побережья водится рыба в таком изобилии, какое редко где встретишь в других местах христианского мира, – писал сэр Томас Стаффорд, – и в сезон вылова это было излюбленное место для рыбаков из всех стран, и хотя пошлины, которые они платили О'Салливану, были совсем невелики, они приносили ему по меньшей мере 1 500 фунтов в год». В пересчёте на современные деньги эта сумма будет эквивалентна не менее 15 000 фунтов.

Такое соперничество между двумя пиратскими логовами продолжалось в течение многих лет. Однако Берехавену было суждено пасть первым. 16 сентября 1602 года[22] сэр Джордж Кэрю предпринял яростное нападение на замок Данбой. Его осада стала частью общего жестокого усмирения ирландского восстания 1600–1603 годов. В это время гавань была под охраной всего ста двадцати человек, а силы Кэрю насчитывали по меньшей мере пять тысяч, однако храбрым защитникам удалось продержаться до 18 сентября, когда, в конце концов, стены были проломлены и атакующие ворвались внутрь. Даже в самые последние мгновения, когда люди короля уже были внутри замка, ирландцам почти удалось одержать пиррову победу. Когда солдаты ворвались на склад, они увидели, как Ричард МакГеохеган, отважный комендант замка, корчась от боли, пробирается к бочкам с порохом, держа в руке зажжённую свечу. В самый последний момент они успели схватить его, и хотя тот был смертельно ранен, его тут же прикончили в порыве бессмысленной и отвратительной жестокости.

Сам О'Салливан сражался где-то в другом месте и ему удалось бежать в Испанию – лишь для того, чтобы быть предательски заколотым неким англо-ирландцем. Будучи пиратским гнездом, Берехавен вполне заслуживал подавления, но Кэрю атаковал его не по этой причине. Он карал пиратов за их предполагаемую неверность Короне, притом что это подозрение никоим образом не было доказано. Поэтому англичане предпочитают забыть о той тотальной резне, которая сопровождала захват замка Данбой. Она была ненужной, недостойной и несправедливой. От замка Данбой ныне остаётся лишь развалившийся фрагмент, а место, где он располагался, поросло деревьями. Так на какое-то время сгинул Берехавен⁸.

Осада замка Данбой в 1602 году. Гравюра XVII в.

Что же касается Болтимора, то мы признательны за рассказ о нём ирландскому источнику – книге «Разграбление Болтимора» Г. Барнби (1969). Сэр Финин О’Дрисколл Корабельный, который предстаёт нам обаятельным злодеем в книге «Пиратские гавани и их тайны», теперь теряет свой романтический ореол. Он оказывается сообщником англичан; он присоединился к ним при восстании Десмонда. Он выдал властям нескольких «убийц» (восставших?) и столь глубоко погряз в долгах, что принялся сдавать в аренду свои владения английским колонистам. Его ирландские подданные были брошены им на произвол судьбы.

В 1605 году англичанин по имени Томас Крук предложил продать ему право на аренду на двадцать один год города Болтимора и находящихся в его окрестностях пахотных земель за 2 000 фунтов. Сэр Финин О'Дрисколл принял его предложение, и передача в аренду была оформлена. На удивление, не сохранилось никаких записей о каких-либо жалобах от тогдашних горожан. Возможно, что к 1605 году многие жители Болтимора, оскорблённые присутствием английских войск, стоявших в округе, смогли перебраться на север или в более надёжные убежища на одном из крупных островов в заливе Роаринг-Уотер.

Когда в 1605 году Томас Крук заключал свою сделку с сэром Финином О'Дрисколлом, английское присутствие в западной части графства Корк было крайне незначительным, и его план по размещению в окрестностях Болтимора нескольких сотен английских поселенцев, должно быть, был вполне приемлемым для властей в Корке, Дублине и Вестминстере. Однако если бы эти самые власти задались вопросом, как такая значительная группа колонистов сумеет содержать себя в этом краю, то они бы, вероятно, пришли к не слишком воодушевляющим выводам. Недаром старое изречение гласит: «Закон заканчивается в Лепе»[23]. В календаре государственных записей Ирландии за 1606–1608 годы есть 21 запись о Болтиморе, и большинство из них касаются пиратства.

Однако узаконенное создание английского поселения в Болтиморе уверенно продвигалось вперёд. 3 июля 1607 года Болтимору было дозволено «Верховным Канцелярским Судом Его Величества... устраивать рынки по пятницам и две ярмарки на 24 июня и 28 октября, длящиеся ещё по два дня сверх отмеченных дат...» 26 сентября 1612 года это поселение получило свою официальную хартию. Она назначала «Томаса Крука, эсквайра, первым совереном, и Джеймса Салмона, Дэниела Лича, Джозефа Картера, Уильяма Хадсона, Джозефа Хоскинса, Стивена Ханта, Томаса Беннета старшего, Томаса Беннета младшего, Роджера Беннета, Уильяма Хоулинга, Томаса Гермона и Ричарда Комми – его первыми двенадцатью свободными горожанами...» Соверен должен был вершить суд по мелким правонарушениям и гражданским делам каждую пятницу, при этом он и его совет были уполномочены издавать подзаконные акты. На них также была возложена обязанность избрать двух благоразумных людей для заседаний парламента, который в ближайшем будущем король Яков I планировал созвать в Дублине. Первым совереном был назначен Томас Крук, однако в будущем свободные горожане должны были собираться раз в год специально с целью избирать на этот пост кого-то из своего числа. Те ирландцы, кто остался, смешиваясь с новоприбывшими, оказались вполне готовыми примириться с изменениями любого рода. Однако тех, кто предпочёл остаться, было немного, и одному испанцу, прибывшему в порт Болтимора на корабле в 1608 году, было сказано, что теперь ирландцев там совсем мало.

Томас Крук совершил выдающееся деяние. По словам епископа Корка, «.. за свой собственный счёт он собрал со всей Англии англичан на целый город, который стал крупнее и более упорядоченным граждански и религиозно, чем все прочие города в этой провинции, возникшие за последнее время...»

Благонадёжная англиканская теология, которой придерживались новые поселенцы в Западном Корке, позволила представителям короля Якова закрывать глаза на менее привлекательные черты новой колонии Томаса Крука. Более чем вероятно, что Томас Крук основал свою колонию в Болтиморе с намерением торговать с пиратами. Это не означает, что у колонистов не должно было быть других занятий кроме этого, но они являлись портовым поселением и полагались на заходы в их порт кораблей, чтобы обменивать свои изделия и навыки на их товары и деньги. То, каким путём их клиенты обзаводились деньгами или товарами, их не интересовало. Новые поселенцы в Болтиморе вели дела точно так же, как многие другие порты юго-западной Англии поступали десятилетиями, однако для пиратов Англия под скипетром короля, озабоченного строгим соблюдением законов, становилась небезопасным местом. Томас Крук предугадал развитие такой ситуации и предпринял шаги, чтобы извлечь из неё выгоду.

Размеры официальной торговли, производившейся через Болтимор, были абсурдно малы. Согласно одному источнику, всего лишь три корабля с грузом вина заходили в порт на протяжении 1614 и 1615 годов. Однако масштаб неофициальной торговли, вероятно, был значителен. Конечно же, товары пиратов, ввезённые в Ирландию через Болтимор, развозились по всей провинции, и было известно, что сам председатель Манстера, а также многие из верхушки горожан Корка пользовались этим источником для своих покупок. К 1608 году, не более как двумя годами после того, как англичане обосновались в Болтиморе, Томаса Крука вызвали в Лондон на заседание Тайного совета, чтобы тот дал ответ на обвинения в сообщничестве с пиратами. Именно это обвинение побудило епископа Корка написать своё рекомендательное письмо. Тайный совет оправдал Крука и с почётом отпустил, ну а как они могли поступить иначе? В Манстере и прежде случались восстания, в ходе которых английским поселенцам резали глотки. И если амбициозные, энергичные люди, такие как Ричард Бойл и Томас Крук, оказались способны убедить большие группы англичан-протестантов приехать и колонизировать эту опасную местность, то как же могут английские власти подвергать опасности всё это предприятие своим слишком придирчивым отношением к их методам торговли?

Пусть Тайный совет и оправдал Томаса Крука и его колонистов, но другие были к ним менее снисходительны. В 1608 году венецианцы писали, что у английских пиратов есть два основных гнезда, и одно из них располагается на ирландском побережье, в Болтиморе. Английский источник в 1608 году

отмечал, что все гавани Манстера были безопасны для пиратов, но Болтимор считался у них наилучшим. Тогда же, в 1608 году, председатель Манстера писал, что некий пират по фамилии Робинсон прибыл в Болтимор на двадцатипушечном корабле водоизмещением в сто двадцать тонн.

«...Сначала жители окрестностей Болтимора наблюдали за его перемещением... хотя слабые жители не могли отказать пиратам в обычной помощи, однако они чинили им затруднения с материалами, которыми можно было бы воспользоваться для ремонта, до тех пор, пока, получая ежедневное подкрепление свежими силами, пираты не достигли численности, устранившей рыбаков и всю округу, так что не имея ни средств защитить себя, ни надавить на них, он [председатель] был вынужден пойти на заключение договора... с ними...» Поскольку главный королевский чиновник в провинции Манстер подтверждает ведение дел с пиратами в Болтиморе, логично предположить, что здешние обитатели, живя в основном в гэльском окружении и находясь на расстоянии многих миль от ближайшего представителя Короны, были готовы и хотели участвовать в торговле.

У них находились и способы придать видимость законности своим действиям. Одним из самых успешных пиратов в этот период был человек по имени Генри Мейнуаринг. Он принял королевское прощение и наиболее полно описал методы, использовавшиеся пиратами на побережье Ирландии. Он утверждает, что когда пиратам было необходимо получить мясо, они посылали осторожного человека на берег, чтобы тот подыскал фермера, готового продать скот. Фермер сообщал, куда он пригонит скот, а пираты высылали группу, высаживавшуюся на берег после наступления темноты. Эти люди стреляли из одного или двух мушкетов, как будто совершая набег на побережье. А заранее предупреждённые местные жители держались подальше. Такой бизнес активно приветствовался, писал Мейнуаринг, поскольку за скот, проданный таким способом, обычно давали вдвое больше его рыночной стоимости.

По-видимому, новое английское поселение в Болтиморе процветало. Король Яков I, оказавшийся в щекотливом положении из-за жалоб иноземных купцов, настаивал на принятии мер для подавления пиратов юго-западной Ирландии. Время от времени королевский военный корабль патрулировал побережье. Но королевские корабли были обычно старыми и находились в плохом состоянии. У пиратов же от их расторопности зависели их шеи, поэтому они использовали небольшие боевые корабли голландской постройки, которые при условии регулярных чисток были самыми юркими судами на плаву. Пираты редко позволяли себе быть пойманными королевскими судами, а если уж попадались, то часто умели найти общий язык с теми, кто их ловил. Многие занимались разбоем на море, но совсем немногие попадали на виселицу. Голландцы добились от короля Якова разрешения в поисках пиратов досмотреть бухты и гавани юго-западной

Ирландии, но когда они показались у Болтимора и запросили лоцмана для захода в порт, Томас Крук велел им отчаливать. Подобное обращение с командиром голландской эскадры, действующей с королевского разрешения, могло показаться большой наглостью, однако Томас Крук, должно быть, знал, что делает, поскольку его процветание продолжилось и дальше. Можно только догадываться о масштабах его финансового благополучия, но мы знаем, что в 1624 году, незадолго до своей кончины, он стал баронетом.

Новое английское сообщество в Болтиморе было почти целиком результатом деловой активности, энергии и отсутствия угрызений совести у сэра Томаса Крука, баронета. Поэтому удивительно уместным выглядит то, что практически сразу после его смерти всё пошло не так.

Представляется вероятным и действительно допускается некоторыми авторами (например, авторами «Пиратских гаваней»), что после смерти Крука жители Болтимора решили начать вести честный образ жизни. Их промысел по ловле сардин доказывал свою отличную доходность, а власти медленно усиливали свой контроль в «беззаконных» регионах. Можно предположить, что в 1624 году старейшины Болтимора тайным способом уведомили пиратов, что дни гостеприимства закончились, и их порт теперь закрыт для всех видов нелегальной деятельности за исключением толики безобидной контрабанды.

Джон Деррик. Вождь ирландского клана за обедом. Ок. 1581

Между тем беспомощный сэр Финин всё глубже увязал в долгах. На сцене появился кредитор.

“ Сэр Уолтер Коппингер, баронет, был магистратом[24] города Корк, его алчность весьма напоминала разбойничьи ухватки его предков-викингов.

Точно так же, как Ричард Бойл или Томас Крук, он ясно сознавал, что западная часть графства Корк была недостаточно населена и созрела для развития. Однако он был непреклонным католиком и отнюдь не любителем новоприбывших англичан-протестантов, начавших заселять эту землю. У него не было ни малейшего желания размещать англичан в Западном Корке. Его интерес состоял в выстраивании своего собственного поместья в этой округе. Его изначальные приобретения доставались ему в основном от старых ирландских собственников; иногда их имущественные права были спорными, и тогда сэр Уолтер погружался в тяжбы с другими владельцами. В этих случаях его поведение могло быть грубым. Лондонская Ост-Индская компания в 1612 году приобрела леса в верховьях приливного устья реки Бандон. Там они принялись строить корабли. Сэр Уолтер предпочёл считать, что эта земля принадлежит ему. Он не мог спокойно взирать на то, как англичане вырубают его деревья, поэтому собрал вооружённых людей, чтобы на них напасть. Эти наёмные здоровяки запугали рабочих на судоверфи и разрушили дамбы, возведённые для функционирования молотковых мельниц. Спор о лесах Дун Даниел затих, однако сэр Уолтер вскоре снова оказался на страницах хроник. Теперь он предпринял попытку заполучить Болтимор. И это притязание было не пустяшным.

В 1573 году Финин О'Дрисколл наряду с другими племенными вождями Манстера отдал свои земли английской короне. Этот процесс был частью сложной реформы землевладения, конечным результатом которой стало то, что сэр Финин теперь владел своими землями лично, а не как раньше, всего лишь на правах избираемого вождя клана. Финин, когда пошёл на этот шаг, был ещё молод, и многие годы эта перемена не приносила практических результатов, и жизнь его в Западном Корке продолжала идти как обычно. В 1583 году он посетил Лондон и был возведён в рыцарское достоинство. Теперь жизненные стандарты сэра Финина О'Дрисколла вполне могли потребовать больших расходов. В 1602 году его престижу был нанесён серьёзный удар, когда его обязали передать три своих замка англичанам, но его исковое заявление всё ещё вращалось в Западном Корке, и в этом же году он задержал и передал английским властям разыскиваемых убийц, пытавшихся найти убежище в его землях. Тем не менее в этот период его финансовое положение, похоже, резко пошатнулось, и одним из непосредственных результатов этого стала сдача Болтимора в аренду на 21 год Томасу Круку в 1605 году.

Возможно, около 1616 года сэр Уолтер Коппингер дал займы сэру Финину О'Дрисколлу некоторую сумму под залог его земли, занятой колонией в Болтиморе. Сэр Томас Крук приобрёл право на аренду Болтимора лишь на 21 год. Сделка была заключена в 1605 году, и это означало, что 1626 году либо нужно было договариваться о продлении аренды, либо право на пользование этой собственностью возвращалось к сэру Финину, его наследникам или правопреемникам. В том случае, если сэр Финин не

погашал заём, сэр Уолтер Коппингер автоматически становился его правопреемником и полноправным владельцем Болтимора по окончании срока его аренды. Твёрдость своих намерений меж тем он демонстрировал, нападая на английских поселенцев всеми возможными способами. Поначалу [сэр Уолтер] использовал силу, но колонисты скоро научились эффективно организовываться для самообороны. Учитывая это, он сменил тактику и принялся с большой скоростью подавать гражданские и уголовные иски против отдельных колонистов. Будучи магистратом города Корк с большим стажем, сэр Уолтер, должно быть, и впрямь был назойливым оппонентом.

Сэр Томас Крук умер в 1624 году, в его лице колония Болтимора потеряла своего главного руководителя и патрона. В 1626 году срок аренды подошёл к концу, и земля вместе с постройками, занятая англичанами в Болтиморе, могла оказаться во владении закоренелого противника новоприбывших англичан – сэра Уолтера Коппингера. Колонисты обратились в палату лордов за помощью. Это был хитроумный ход, поскольку английские власти, разумеется, вовсе не собирались спокойно наблюдать, как колония англичан-протестантов, так стратегически выгодно расположенная в отдалённой юго-западной части Ирландии, попадёт в лапы джентльмена католического вероисповедания с сомнительной лояльностью. Начались переговоры. Неизвестно, какую они приняли форму, однако принесли некоторые результаты. 14 апреля 1629 года сэром Финином и сэром Уолтером был подписан аннулирующий акт. По его результатам английские колонисты на прежних правах оставались арендаторами собственности в Болтиморе, но при этом сэр Уолтер получал во владение крепость Дунашед⁹.

Итак, подведём итоги – в 1629 году кредитор сэр Уолтер Коппингер был обведён вокруг пальца и не получил Болтимор во владение. Сэр Уолтер ненавидел англичан и неоднократно прибегал к насилию против них. Он ненавидел жителей Болтимора, потому что они успешно противостояли его экспансии, а также потому что они были империалистами-протестантами. У сэра Уолтера было два весьма веских мотива – по крайней мере, по его мнению, – чтобы причинить урон этой небольшой колонии: патриотизм и прибыль. Двумя годами позже на Болтимор действительно обрушилось великое бедствие. *Cui bono?*[25] — как говорят юристы.

“ В конце апреля или начале мая 1631 года Мурат-рейс отплыл из Алжира на двух хорошо вооружённых кораблях, вероятно, голландской постройки. Сообщалось, что на борту было «9 португальцев, 3 паллийцев (?) и 17 французов...», и перед тем как войти в британские воды, они ограбили и потопили два французских корабля. Затем, 17 июня, между мысом Ленде-Энд и побережьем Ирландии был захвачен английский корабль водоизмещением около 60 тонн. Его шкипера звали Эдвард Фолетт, в команде с ним было ещё девять человек. С этим судном Мурат обошёлся

точно так же, как и ранее с французскими каботажными судами. На первый взгляд, их потопление кажется вопиющей растратой ценных кораблей. Но североафриканские корсары отлично понимали ценность вещей и у них определённо был веский повод избавляться от столь нелегко доставшегося им имущества. Эти три небольших судёнышка, возможно, были уже старыми и находились в плохом состоянии, а может, были слишком медлительными, чтобы поспевать за быстрыми голландскими парусниками. Также, возможно, их посчитали чересчур утлыми, чтобы иметь реальные шансы без сопровождения достичь Алжира. Призовая команда из ренегатов и турецких солдат, попытавшаяся идти назад в Алжир на судах такого класса, имела немалые шансы нарваться где-нибудь у Гибралтарского пролива на военный корабль католиков и закончить свои дни гребцами, прикованными к вёслам галер.

Два корабля Мурата продолжили свой путь на северо-запад, к ирландским берегам. Его, а также, возможно, и некоторых членов его экипажа всё ещё преследовали горькие воспоминания о том, как их помял тот испанский военный корабль у голландских берегов. В Ла-Манше и Северном море в изобилии водились богатые торговые суда, но там не меньше было и боевых кораблей – король Карл I был заинтересован в своих военно-морских силах и снова принялся их отстраивать.

Утром 19 июля оба алжирских корабля пристали к берегу у старого мыса в Кинсейле и именно там они захватили две рыбацкие лодки, вышедшие на промысел из бухты Дунгарван. Сами лодчонки были слишком малы, чтобы представлять интерес для Мурата и его компании в качестве добычи, так что их взяли исключительно ради информации, которую могли выдать рыбаки.

Капитаном одной из этих лодок оказался католик по имени Хакетт. С этого момента будем пристально следить за этим человеком. Всё, что он предпринимает, выглядит подозрительным.

“ Корабли Мурата, скорее всего, были похожи на сотни других судов, бороздивших прибрежные воды Северной Европы. Поэтому у двух рыбацких лодок из Дунгарвана ничто не вызвало подозрений. Когда же Хакетт и его люди сообразили, что им грозит, бежать было уже слишком поздно. Красные войлочные колпаки и вышитые красные безрукавки янычар быстро подсказали им, кем оказались их пленители. Их переправили на корабль Мурата, а их собственное судёнышко с призовой командой пустилось в погоню за второй группой добытчиков макрели.

Плаванье алжирцев продолжалось уже около двух месяцев, а вся их добыча, которой они были вознаграждены за все усилия, представляла собой немного макрели, припасы с каких-то незначительных судов и сорок

пленных моряков. Этого было мало, если делить между двумястами восьмьюдесятью оголодавшими людьми; и вышло бы ещё меньше, ибо половина должна была отойти владельцам боевого корабля, а ещё от двадцати до двадцати пяти процентов – ополчению и таможенным офицерам в Алжире.

Среди членов команды Мурата могли находиться ренегаты или даже невольники-христиане, знавшие Кинсейл. Эти люди могли также убедить своего капитана направиться в залив Кинсейла ради возможности обнаружить один или два богатых корабля, ставших там на якорь. Но когда Мурат потребовал от Джона Хакетта указать им дорогу к закрытой якорной стоянке, этот житель Дунгарвана сообщил, что Кинсейл будет для них слишком опасен. Взамен он предложил напасть на Болтимор. Возникает вопрос – почему?

Дунгарван располагается к востоку от Кинсейла. Может быть, поэтому Хакетту показалось хорошей идеей убедить алжирцев пойти на запад. А к западу от Кинсейла Болтимор был первой из сколько-нибудь подходящих гаваней. О нём также рассказывали как об укрытии для английских пиратов и, возможно, Хакетту показалось справедливым натравить одну собаку на другую. Но, по всей видимости, главной причиной, по которой Хакетт предложил Болтимор, был тот факт, что это была сравнительно новая английская протестантская колония.

Неожиданно мне пришло в голову – хотя это только гипотеза, – что у Хакетта могла быть «более глубокая» причина такого странного поведения. Всё, что мы знаем о нём, мы знаем из его признания на суде, когда он, очевидно, пытался найти оправдание своим действиям с помощью легенды-прикрытия. А что если «захват» судна Хакетта у Кинсейла был не случайностью, а запланированной встречей? Что если католик Хакетт был агентом католика сэра Уолтера Коппингера? Что если Коппингер контактировал с представителями корсаров – а в графстве Корк это было довольно просто, как можно заметить, – и предложил устроить набег на Болтимор? Возможно, он описал его как более богатый трофей, чем таковой был в действительности, или, может быть, подкрепил свою рекомендацию предложением заплатить – он мог себе это позволить. И, быть может, 19 июня Хакетт преднамеренно направил свою лодку навстречу «захватчикам» так, чтобы стать для корсаров лоцманом и проводником. (Мы знаем, что корсары всегда выискивали подобных экспертов, вроде тех морисков, которые шпионили для них в Испании, или того датского раба, направившего Мурата в Исландию.) Конечно, здесь много чистейшей воды догадок. Но... давайте присмотримся к Хакетту.

Юго-западное побережье Ирландии с городом Болтимор. Фрагмент карты Фрэнсиса Джобсона «Провинция Манстер». 1589

“ Два алжирских корабля направились на запад. Первым местом, где сообщалось, что их заметили с берега, был Каслхавен в пяти милях к востоку от Болтимора. Здесь видели, как они на закате дня миновали вход на якорную стоянку, однако их появление не вызвало тревоги. Едва начало темнеть, когда эти корабли бросили якоря у входа в гавань Болтимора. Сообщалось, что их точное местоположение было в одном мушкетном выстреле к юго-востоку от этого входа.

Было 10 часов вечера воскресного дня, так что большинство жителей уже разошлись по домам, если не легли спать. Оба алжирских корабля, покачиваясь на волнах прилива на своих якорных канатах остались столь же незамеченными и незаподозренными, словно их всё ещё заслонял мол в Алжире.

Мурат принял решение без промедления. Сев в одну из гребных шлюпок, он во главе разведывательной группы отправился в гавань. В качестве проводника он взял с собой капитана Фолетта, хозяина того английского корабля, что они захватили неподалёку от Ленде - Энда. Это подтверждает вывод, что англичанин должен был посещать Болтимор ранее, вероятно, с грузом контрабандных вин из Испании или юго-западной Франции. Обвязав мешковиной вёсла шлюпки, чтобы приглушить звуки гребли, разведчики

тихо прошли вдоль изрезанной береговой линии гавани, в то время как капитан Фолетт указывал им местоположение суши и основные районы города. Вскоре Мурат решился. «У нас будет славная прогулка», – объявил он ожидавшей его команде, когда возвратился на свой корабль, и тут же описал свой план действий.

Высадка с моря вроде этой у алжирцев всегда шла по одному сценарию. Её успех зависел от способности вызвать панику, а панику всегда проще поднять в тихие часы перед рассветом. В 2 часа после полуночи большая группа десанта спустилась с двух кораблей в гребные шлюпки и в те две рыбацкие лодки, которые они буксировали от Кинсейла. Янычары держали наготове мушкеты и ятаганы, а остальные вооружились длинными ножами, а также взяли с собой железные ломы и пропитанные дёгтем полосы парусины, обёрнутые вокруг длинных палок и приготовленные к поджигу. Джон Хакетт сопровождал высаживающихся, что должно было серьёзно свидетельствовать против него на его последующем судебном процессе. Человека можно заставить указывать местоположение земли со шлюпки, приставив ему нож к рёбрам. Но чтобы недавний пленник сопровождал отряд десанта, имея очевидную возможность сбежать, красноречиво указывает на его какие-то особые взаимоотношения со своими похитителями. Одна за другой шлюпки проходили между островом Шеркин и большой землёй. Они держались подальше от скалы, возвышавшейся на восточной стороне входа в гавань и выдававшей себя небольшими всплесками и неровными донными волнами. Тёмная вереница судов двигалась на север к острову Кони, обходя небольшие рифы, а затем резко повернула к защищённой скалами полукруглой бухточке Ков. Шлюпки пробрались между поставленными на якоря рыбацкими судами и упёрлись в грязный галечный пляж. Захватчики зажгли свои факелы, а затем с дружным криком выпрыгнули из шлюпок и ринулись на пляж.

До наших дней в этой бухточке уцелело совсем немного домов, но в полях всё ещё можно встретить остатки куда более многочисленных фундаментов других зданий, обращённых к морю. В 1631 году большинство из них было крыто соломой и построено из дерева и штукатурки или бутовой кладки, проложенной между деревянными и штукатурными стенками. Эти дома, вероятно, были чрезвычайно сырыми, но, по крайней мере, балки их крыш в июне оказались достаточно сухими, чтобы загореться. Шум, огни и смятение внезапно прервали покой летней ночи. Но убитых было немного. Мёртвые тела не имеют ценности, а корсары редко забывали о своих коммерческих интересах.

Важнее всего была молниеносность. Ночь была темна и для захватчиков. Они могли лишь гадать о том, что лежало за пределами очерченного их горящими факелами круга света. Они знали, что вряд ли в этих узких кварталах могло найтись много вооружённых мужчин, но не могли быть в

этом уверены. Они не собирались задерживаться здесь дольше, чем этого потребует необходимость. Неизвестно, был в это время прилив или отлив, однако Мурат-рейс, далеко не новичок в морском деле, позаботился, чтобы опытные люди остались присматривать за шлюпками, держа их наготове. Пленников уводили на берег и загоняли в шлюпки алжирцев... Мурат-рейс счёл, что стоит атаковать главную часть поселения. Он понимал, что в этом был элемент риска и учитывал это, когда составлял свои планы. В сопровождении всё того же странного Джона Хакетта, который каждым своим шагом всё сильнее затягивал петлю на собственной шее, он повёл отряд людей в направлении крепости и пристани. На полпути, там, где над узкой тропой склон круто вздымается вверх, он оставил шестьдесят своих мушкетёров на высоте, господствующей над дорогой и отмелью у берега. Затем вместе с подготовившимися к нападению людьми продолжил путь к центру поселения.

Атака на первые дома прошла гладко, факелами поджигали крыши домов, а ломami вскрывали деревянные двери. Официальный отчёт утверждал, что алжирцы ворвались в сорок домов в основной части Болтимора, сумели ограбить тридцать семь и захватили десять пленников. Разумеется, момент внезапности уже был потерян. В этих тридцати семи домах наверняка было гораздо больше десяти человек, остальным хватило сигналов тревоги, чтобы успеть убежать. Ввысь от опустевшей крепости слегка поднимался склон холма. Здесь располагалось больше домов, и именно здесь один из колонистов, Уильям Харрис, организовал оборону. Он уже несколько раз стрелял наугад из мушкета, в то время как один из его соседей принялся бить в барабан.

Мурат-рейс заметил все эти сигналы. Звук барабана, пожалуй, вызвал у него наибольшую тревогу. Барабаны исполняют военную музыку, и ими обычно пользуются солдаты. Он приказал своим людям отступить к шлюпкам. Они сразу повиновались, быстро вернулись на дорогу, соединились с мушкетёрами, сидевшими в засаде, и продолжили спускаться к бухте. Там они сели на ожидавшие их лодки и отплыли от берега. Следующей твёрдой землёй, на которую они ступят, будет иссушенная земля Африки.

Среди официальных записей о нападении есть список не совсем понятного содержания. В нём с некоторыми подробностями упоминаются как имена, так и цифры, но его формулировка несколько двусмысленна. Тем не менее Джеймс Фризелл, сообщая о прибытии 10 августа в Алжир пленников, называет цифру в восемьдесят девять женщин и детей и двадцать мужчин, что на два человека больше, чем указывалось официально о похищенных в Болтиморе. В официальном списке двое мужчин названы погибшими при набеге, и ещё двое пожилых пленников были высажены на берег тогда же, когда были освобождены Хакетт, один из его дунгарванских рыбаков, а также капитан Фолетт из Корнуолла.

Это выглядит так, как будто свободу дали только кельтам\ «Захваченные» ирландцы и корнец отпущены, а английские пленники отвезены в Алжир! И главное, этот вездесущий Хакетт, настолько осведомлённый, настолько... готовый ухватиться за возможность сотрудничать с мавританскими корсарами! Ему бы лучше было остаться с Муратом и сбежать в Алжир. Но, вероятно, у него были причины остаться в Ирландии – может быть, чтобы отчитаться перед сэром Уолтером? Получить вознаграждение?

В английских официальных архивах уцелел удивительный отчёт, описывающий тщетную попытку преследовать Мурат-реиса:

“ В вышеупомянутой день, ещё затемно, некто, сумевший сбежать при первом внезапном нападении, принёс новости некоему Томасу Беннетту, а тот лично отправил письмо мистеру Джеймсу Салмону из Каслхавена, умоляя его приложить все свои старания, дабы убедить мистера Поулетта, находившегося тогда в гавани на своём корабле, помочь спасти вышеназванных пленников, чего тот, вероятно, сделать не смог. Тогда мистер Салмон самолично со всей поспешностью послал за капитаном Хуком, командовавшим королевским кораблём, а затем поскакал в гавань Кинсейла, сообщая о происходящем, а сэр Сэмюель Крук таким же образом послал сообщение суверену Кинсейла, объявляя о вышеупомянутых несчастьях и умоляя его поторопить капитана королевского корабля с их спасением. По его указанию человек мистера Салмона также отправился из Кинсейла в Маллоу, чтобы сообщить о происходящем лорду-председателю, который тут же послал свою команду к суверену Кинсейла и к капитану Хуку, чтобы тот отправлялся на королевском корабле, и поторопил его исполнить свою службу, тот же пришёл по истечении четырёх дней. Однако турки не простояли в гавани больше времени, чем у них заняло вытравливание якорей и, подняв паруса, скрылись из виду, королевский же корабль последовал за ними, но не смог их обнаружить. [Сэр Сэмюель Крук, должно быть, был наследником скончавшегося сэра Томаса Крука.]

Таким образом, пиратам удалось ускользнуть и от Хука, и от Крука. (Как мы увидим, Хук позднее поплатился головой, поскольку, по всей видимости, вся ответственность лежала на нём и именно он был обвинён в этой неудаче.)

Иллюстрация из книги Уильяма Окли «Эбенезер, или Небольшой памятник Великому Милосердию» (Лондон, 1675). Подписи: Турки берут в плен англичан/Продают невольников в Алжире/Казнь через побивание палками/Турки сжигают монаха/Различные зверства/Изготовление лодки и побег на Майорку

Великолепную работу, отследив дальнейшую судьбу Болтиморских пленников, проделал Барнби.

“ Не существует оставшихся от этого путешествия записей, но сравнивая свидетельства, оставленные исландскими пленниками, с двумя другими описаниями плаваний на алжирских судах, можно составить представление об условиях, с которыми пришлось столкнуться болтиморцам.

Мужчин держали в трюме вместе с английскими и французскими рыбаками, захваченными в начале этой экспедиции, а также десятью (или около того) рыбаками из Дунгарвана. Все они были связаны или их ноги были заключены в деревянные колодки. Согласно одному исландскому свидетельству, когда корабли отошли довольно далеко от берега, с пойманных мужчин сняли цепи. Женщины и дети не были связаны или закованы. По сути, они могли перемещаться по всему кораблю, как желали, за исключением шканцев, туда они могли попасть только по приглашению. Исландцы сообщали, что люди Мурата хорошо заботились о детях, в особенности турки, часто можно было видеть, как они давали им что-нибудь вкусное из своих личных запасов. Исландский пастор, оставивший наиболее точное описание плавания, сообщал, что когда его жена во время этого путешествия родила, двое из матросов-рenegатов дали ей каждый по одной из своих рубах, чтобы она могла использовать их как пелёнки. Из того же самого сообщения можно узнать, что судовое начальство снабдило женщин кусками парусины, чтобы те могли отгородить ими себе временные закутки и тем самым получить некоторую приватность. Логично предположить, что и болтиморским женщинам было гарантировано такое же уважение.

Уже много недель алжирские корабли находились в море. Алжирские турки и их моряки-рenegаты пользовались дурной славой в христианской Европе из-за своей свирепости и распутности по отношению к женщинам и мальчикам, и эта репутация сохранялась за ними до последних дней их существования в Африке. Однако ни свидетельства исландцев, ни какие-либо другие сообщения того времени о похожих экспедициях не отмечают, чтобы захваченные женщины подвергались какого-либо рода насилию. Это могло означать, что такие развратные действия считались чем-то само собой разумеющимся и потому не заслуживали упоминания, однако исландский пастор всё же написал в своём рассказе, что алжирские рenegаты изнасиловали исландскую девушку, когда были на берегу одного из островов архипелага Вестманна-эйяр, а раз он упомянул о том, что произошло на берегу, то наверняка не умолчал бы, если бы такое случилось и на борту. Европейцы, писавшие из Алжира, всегда были готовы трогательно описывать страдания христианских пленников, однако английский консул Джеймс Фризелл, сообщавший из Алжира о прибытии похищенных болтиморцев, не упомянул ни о каких жалобах со стороны женщин...

Вся живая добыча, которую Мурат-рейс привёз из своей экспедиции, не была такой уж многочисленной. Двести восемьдесят человек находились в плавании около трёх месяцев и вернулись из Болтимора с двадцатью мужчинами и восьмьюдесятью семью женщинами и детьми; девятью ирландскими рыбаками, девятью английскими моряками с корабля капитана Фолетта, примерно семнадцатью французскими, тремя португальскими и ещё тремя другими моряками. Итого выходит сто пятьдесят четыре

человека, которых следовало поделить между всеми членами команды и множеством других людей, оказавших финансовую поддержку. Вероятно, было не слишком раннее утро, когда эту, скорее достойную жалости флотилию провели мимо мола через ворота гавани к городу.

Новых пленников отвели во дворец паши. По закону ему отходили пятнадцать захваченных Мурат-рейсом людей. Без сомнения, драматическим и душераздирающим был момент, когда эти пятнадцать были разлучены со своими товарищами по несчастью. Алжирцы не отличались сентиментальностью по отношению к пленникам. Паша выбирал тех невольников, которые ему понравились больше других, и если это означало, что члены семьи будут разлучены, то для него это не имело никакого значения. Отец Дан, французский священник-редемпционист, прибывший в Алжир в 1635 году, рассказывал, как горестно было видеть разделение ирландских семей; тогда же и девятилетнего сына исландского пастора, захваченного в 1627 году, продали отдельно от родителей и увезли в Тунис.

Наверняка Джеймс Фризелл, британский консул, навещал болтиморских пленников вскоре после их прибытия в Алжир, так как в августе 1631 года он писал секретарю министерства иностранных дел в Лондон, что «прибыло 107 захваченных, из которых 20 мужчин, а остальные женщины и дети...» По крайней мере, это подтверждает, что все они пережили плаванье. В этом отношении им повезло больше, чем исландцам четырьмя годами ранее, из которых четверо скончались в море. Джеймс Фризелл не писал пространных писем, он сообщил, что пленники из Болтимора живы, и запрашивал о высылке ему денег, чтобы он смог договориться о выкупе, и этим ограничился. Он не раскрывал подробностей того, что пережили пленники, когда прибыли в город.

Мы знаем, что сто семь мужчин, женщин и детей, которые были внезапно схвачены в своих скромных постелях между двумя и тремя часами раннего утра 20 июня 1631 года, в целости достигли Алжира. Затем их выставили на рыночной площади перед глазами сотен незнакомых людей, они были проданы и розданы своим новым хозяевам. Об их продаже и покупке не осталось никаких записей. Никто в точности не может сказать, какова была судьба любого из болтиморских пленников. Но держа в уме записанные свидетельства других алжирских узников того времени, можно с некоторой уверенностью рассуждать о том, что их ждало.

В Алжире ценность невольника рассматривалась по четырём категориям: как работника, как компаньона, как источника дохода и как ступени на пути к раю. В первую категорию включались все крепкие мужчины, способные грести вёслами, копать каналы, переносить грузы, работать в полях или городских каменоломнях. Сюда же относились и некоторые женщины,

которых считали подходящими только для повседневных домашних дел.

Вторую категорию составляли все те христианские невольники, которых покупали, чтобы они служили спутниками своим хозяевам: хорошо сложенные юноши становились слугами, а девушек ждала роль наложниц.

В третий класс входили все состоятельные пленники или те, кто владел каким-либо умением. Их обычно приобретали для спекуляции, платя за них большие суммы в ожидании, что в скором времени их выкупят за ещё большие деньги. При надлежащих поручительствах еврейские и итальянские купцы, действовавшие в Алжире, были готовы дать деньги займы самим пленникам на их собственный выкуп, образовавшиеся же долги в соответствующее время должны были быть погашены в тех странах, откуда они родом. Такая торговля пользовалась большой популярностью, так как она сулила хорошие прибыли и быстрый оборот для каждого участника сделки. Умелый пленник представлял собой долгосрочную инвестицию. Как правило, тот, кто его покупал, предоставлял ему достаточные суммы для приобретения соответствующих его занятию инструментов и открытия мастерской. Затем эта сумма прибавлялась к стоимости его выкупа, и пленник мог заниматься своим ремеслом. Он должен был ежемесячно выплачивать своему господину определённую сумму, представляющую процент от вложенного в него капитала, а на остальные вырученные средства жил и откладывал их впрок. Когда он накапливал достаточно для своего выкупа и выплаты вложений хозяина, а также городской пошлины с выкупа, он был волен возвращаться домой. Некоторые пленники из этой категории обладали лишь способностями к торговле. Один ирландец, оказавшийся в плену в Алжире незадолго после болтиморской истории, описывал, как английский пленник искал на улицах Алжира работу, благодаря которой он мог бы удержать при себе жену и ребёнка. После нелёгкого старта этот человек превратился в преуспевающего купца.

К четвёртой категории пленников относились те, кого приобретали ради дани Аллаху. Это были исключительно юные мальчики.

Некоторые из состоятельных горожан Алжира покупали христианских мальчиков на невольничьем рынке, чтобы присоединить их к своим домочадцам и воспитать в мусульманской вере во славу Аллаха. Пройдя однажды через неприятное испытание обрезанием, эти новообращённые юноши обычно хорошо приживались в своём новом окружении. Подобным же образом и большинство молодых христианских женщин находили своё место в женских покоях алжирских домов, достаточно богатых, чтобы владеть рабами, и устраивались там без особых трагедий. Свидетельства того времени подчёркивают, что наложницам в Алжире редко грозило плохое обращение, и учитывая, что большинство работ по дому выполняли

рабыни-негритянки, такая жизнь для женщины могла стать гораздо легче, чем в далёком Западном Корке. Конечно, и климат здесь был значительно более сухим, а дома – более крепкими и удобными.

В книге писем великого графа Корка, сохранившейся в архиве документов Чатсуорт-хауса, имеется шести-страничная реляция о набеге на Болтимор, написанная в Дублине в феврале следующего (1632) года. Это письмо возлагает вину за нападение на Болтимор целиком на плечи капитана Хука с полубаркаса «Пятый отпрыск» и сэра Томаса Баттона. Далее указывается, что, несмотря на тот факт, что с тех пор правительство выплатило им 3 649 фунтов 3 шиллинга и 5 пенсов, никто из команды этого корабля не оказывает существенной помощи. Команда «Пятого отпрыска» всё ещё оставалась крайне недисциплинированной, в ссоре они убили лейтенанта и ранили нескольких солдат. Граф сообщает, что по его приказу Хакетт был привлечён к суду. Он также утверждает, что от бежавшего пленника до него дошли слухи о том, что турки запланировали на следующее лето ещё одно нападение, гораздо большее по масштабу, и слухи об этой атаке, вероятно, распугали всех рыбаков, промышлявших добычей сардин, а также английских колонистов побережья. По его оценке, эти рыбаки приносили стране от пятнадцати до двадцати тысяч фунтов во французской или голландской валюте каждый год, и это могло бы стать существенным вложением для отправки большего числа боевых кораблей для защиты ирландских берегов. По его словам, английские колонисты Болтимора будут согласны внести большой вклад в строительство форта или блокгауза в том случае, если король предоставит им несколько пушек и защитит их от претензий сэра Уолтера Коппингера. Он настаивает, что, возможно, удастся убедить сэра Уолтера оставить колонистов в покое.

«Пользуясь этой возможностью, мы не можем не уведомить ваше сиятельство... о тех несчастиях, которые претерпевают бедные английские пленники из Болтимора в Алжире... как о том могут свидетельствовать письма оттуда... и при сём покорнейше предлагаем их к вашему рассмотрению, покорнейше прося... что вы не откажете направить некоторую помощь... в соответствии с которой английский консул, ныне пребывающий в Алжире, смог бы принять самые действенные свои меры для их освобождения. Среди многих, кто страдает из-за этого прискорбного события, есть некий Гунтер, испытывающий наибольшую боль, ибо он потерял своих жену и семерых сыновей, увезённых турками. Невозможно отговорить его от мысли умолять вашу милость дать ему утешение в его горе...»

“ Как жаль, что ни одно из этих писем пленников, по-видимому, не дошло через все эти годы до наших дней!

Спустя год, 20 июня 1632 года, казалось, мало что изменилось в самом Болтиморе. Логично предполагать, что некоторые дома, стоявшие внизу у бухты, были заново покрыты крышами и обновлены; другие же так и остались пустыми и лишёнными крыш, чтобы разрушаться под влажным

морским бризом. Однако теперь солдаты были расквартированы в Ду наше де, той городской крепости, которую сэр Уолтер Коппингер был вынужден передать военным по распоряжению совета Манстера. Ходили слухи, что в этом году алжирцы вернутся. «Пятый отпрыск» был послан в Бристон на соединение с кораблём «Девятый отпрыск» и для полной переоснастки. На вершинах всех крупных холмов по побережью были расположены сигнальные огни. Надёжным людям было поручено зажигать их, но только в том случае, когда станет ясно, что алжирские военные корабли намереваются произвести высадку. Небольшие отряды кавалерии были рассредоточены в стратегических точках внутри страны, готовые быстро выдвинуться к любому месту на побережье, где могла грозить опасность.

Что ж, так или иначе, сэр Уолтер Коппингер потерял даже крепость Дунашед, которая должна была отойти ему как компенсация за лишение его прав на Болтимор. Почему же с сэром Уолтером так скверно обошлись? Подозревали ли англичане о какой-то его роли в болтиморских событиях? Что же касается Хакетта, то он был повешен – но не двумя годами позднее, как утверждают некоторые, а очень скоро, настолько скоро, насколько это было возможно. В 1844 году националистически настроенный ирландский поэт по имени Томас Дэвис написал балладу о разграблении Болтимора, в которой он настаивал, что Хакетт был предателем Ирландии:

Два года минуло с тех пор, как кровь залила град,
Теперь родня страдавших там глядит, как казнь вершат,
Им видно: негодяй взошёл, дрожа, на эшафот,
То Хакетт, что алжирцев вёл, кончины подлой ждёт!

Когда в петле болтался он, молитву не внесли,
Ведь он убийца братьев тех, кто днесь сюда пришли,
МакМурроу кто-то поминал, как звал норманнов вор[26],
Другой его Иудой клял, был хмурен Болтимор.

Ирония заключается в том, что Хакетт был предателем не Ирландии, а Англии; его казнили англичане за предательство английских интересов в Ирландии. По современным меркам Хакетт считался бы ирландским патриотом, а Мурат-реиса можно было бы сравнить с теми немцами, нанятыми Роджером Кейсментом в 1916 году (впрочем, они так и не появились, и Пасхальное восстание[27] потерпело крах без их участия) – Мурат был мавританским союзником Ирландского дела.

Чем же окончилась история этих пленников:

– Из Англии для их выкупа не было выслано никаких денег, поскольку позиция властей состояла в том, что такой успех лишь побудит пиратов предпринимать новые нападения. «Никаких переговоров с террористами», – как мы могли бы сказать сейчас.

– Для консула Джеймса Фризелла в Алжире наступили нелёгкие времена. Имеются сведения, что его отчаянное финансовое положение вынудило его прибегнуть к

недостойным приёмам. Один английский пленник в письме своей жене в 1632 году просил её выслать выкуп за его освобождение мистеру Легхорну. Он заклинал её ни при каких условиях не высылать его брокерам-евреям консула Фризелла, так как эти люди имеют обыкновение придерживать у себя деньги на выкуп до тех пор, пока невольник, которому они предназначались, не умирал, а после этого уже никто больше не слышал об этих средствах.

- К 1633 году лишь один пленник (женщина) был выкуплен на свободу, выкуп внёс загадочный персонаж по имени Джоб Фрог Мартино из Лугано. Все же остальные, согласно сведениям консула Фризелла, либо умерли, либо были «обращены в турок».

- В списке, предоставленном лордами-судьями и Советом Ирландии Тайному совету, который приведён в календаре государственных документов Ирландии на 10 июля 1631 года, перечислено одиннадцать мальчиков; также в этом списке отмечено ещё несколько детей. Так как едва ли все эти дети были одного пола, логично предположить, что термин «мальчик» в этом перечне означал ребёнка мужского пола, достаточно взрослого, чтобы быть отлучённым от матери. Именно «мальчики» такого возраста больше всего интересовали набожных мусульман, и весьма вероятно, что эти одиннадцать ребят были убеждены алжирцами принять ислам. Все записи, оставленные христианами, находившимися в алжирской неволе, начиная от сделанных Сервантесом в XVI веке и заканчивая теми, что велись в последние дни эялета Алжир в начале XIX века, говорят о настойчивых попытках заставить пленённых мальчиков обратиться в мусульманскую веру. Большинство из этих обращений было совершено вследствие доброго отношения, ибо туркам и ренегатам, похоже, доставляло удовольствие лицезреть жизнерадостное поведение их юных новообращённых; но, к сожалению, имеются огорчительные свидетельства о применении силы, когда юноши сопротивлялись обращению.

- Принимая в расчёт некоторое число переходов в ислам и несколько продаж рабов в другие части Северной Африки и Леванта, по-прежнему остаётся впечатление, что довольно много пленников умерло в течение первых двух с половиной лет их неволи. Впрочем, болтиморским пленникам ещё повезло, что чума, регулярно и масштабно навещавшая побережье Северной Африки, не отмечалась в Алжире с 1624 года. Тем не менее оспа, холера, брюшной и сыпной тиф, а также корь постоянно забирали здесь жизни людей, а кто-то из совсем маленьких детей мог вскоре погибнуть от новых штаммов дизентерии.

- Всё возрастающая уверенность в том, что они забыты семьями и властями у них на родине, должна была заставить многих пожать плечами и целиком принять своё новое положение, в которое их так жестоко ввергла судьба. Очень может быть, что болтиморцы, увидев, как обосновались в Алжире исландцы, могли решить, что у Средиземноморского побережья есть некоторые преимущества в сравнении с открытыми ветрам берегами Северной Атлантики.

- После Английской революции Кромвель решил выкупить всех английских пленников в Алжире и послал некоего Эдмунда Карсона договариваться об их освобождении.

“ Список, составленный Эдмундом Карсоном в 1645 году, включает только одного человека из числа похищенных в Болтиморе в 1631 году. Её имя

приведено как Джоан Бродбрук, и хотя о ней имеются записи, она всё ещё остаётся достаточно загадочной женщиной. Среди людей, названных в числе увезённых из Болтимора, в реляции, посланной в Тайный совет в Уайтхолле в июле 1631 года, значатся Стивен Бродбрук, его жена и двое детей. Соответственно, Джоан Бродбрук могла быть либо женой, либо дочерью Стивена. Больше никто из других болтиморцев не отмечен в списках как выкупленный Эдмундом Карсоном. Сто пять человек исчезли без следа. Есть записи, что одна женщина в 1634 году выкупила сама себя, но об остальных нам совсем ничего не известно. Ни в одном документе не отмечено, чтобы кто-то из них однажды возвратился в Болтимор.

По прошествии некоторого времени после возвращения Мурат-реиса из Ирландии ему на удивление перестало везти – он даже попал в плен к мальтийским рыцарям – впервые в своей жизни. Когда пришло известие об этой беде, наш старый приятель отец Дан находился в Алжире. «Однажды я увидел на улице более сотни женщин, беспорядочной толпой спешивших утешить жену этого ренегата и корсара [Мурат-реиса]; что они и сделали, соперничая друг с другом в выражении своей скорби и печали, не обходясь и без плачей, как искренних, так и притворных, ибо таков их обычай при наступлении столь горестных и фатальных обстоятельств».

В 1640 году – никто не знает, как, – Мурат-реису удалось освободиться или сбежать от грозных рыцарей «Веры» и снова объявиться в знакомых краях. Он вернулся в Марокко, где султан решил назначить его наместником крепости Уалидия, неподалёку от прибрежного города Сафи, по соседству со старыми угольями Сале. По выражению Куандро, это была своего рода «золотая пенсия» для постаревшего пирата.

“ 30 декабря [Куандро указывает дату 24 декабря] того же года голландский корабль прибыл в Сале [на самом деле в Сафи], где Янс был наместником крепости. На борту корабля находился новый нидерландский консул, привёзший с собой небольшой, но приятный сюрприз для пирата – его дочь Лизбет, теперь превратившуюся в привлекательную молодую женщину.

Встреча растрогала всех очевидцев. Янс «с большой помпой восседал на ковре с шёлковыми подушками, окружённый со всех сторон слугами». Когда отец и дочь встретились, «они оба расплакались, и поговорив с ней некоторое время, он отбыл по-королевски». Предполагалось, что Лизбет останется со своим отцом до следующего августа в его замке в Маладии, в нескольких милях от берега, «однако, по всеобщему мнению, на борту ей уже надоели и эти люди, и эта страна». В любом случае, она вернулась в Голландию, и больше мы ничего о ней не слышим. Возможно, Лизбет вышла замуж за богатого голландца, не имевшего никакого отношения к морю или к Марокко.

Никто не знает, как окончил свои дни Янс. Единственная и устрашающая подсказка, которая у нас есть, содержится в его биографии, написанной

школьным наставником Остзаном и заканчивающейся словами: «Свою жизнь он закончил очень плохо»¹⁰.

Разумеется, будучи пиратом, Мурат должен был кончить плохо. Но здесь благочестивый биограф не может призвать даже чуму (как в случае капитана Уорда), чтобы вызвать в воображении некую устрашающую и поучительную кончину Яна Янса. Судя по всему, он умер во сне в своей постели – возможно, даже по милости Аллаха.

Версия #1

Зверобой создал 7 августа 2025 05:51:48

Зверобой обновил 7 августа 2025 06:02:22